

5

НИКОГДА в жизни у меня не было ни малейшего намерения поехать в Ирландию.

Но в одно прекрасное утро мне позвонил по телефону Джон Хастон и пригласил зайти днем к нему в гостиницу на коктейль. Несколько часов спустя Хастон, держа в руке бокал, испытующе посмотрел на меня и произнес: «Как вы смотрите на то, чтобы пожить немного в Ирландии и написать там киносценарий по роману «Моби Дик»?»

И вот неожиданно-негаданно мы — моя жена, две наши дочери и я — отправились в погоню за Белым Китом.

Семь месяцев ушло у меня на то, чтобы выследить, поймать и благополучно извлечь из воды Кита. С октября по апрель прожил я в стране, в которую никогда не собирался приезжать.

...Покончив с Чудовищем и передав готовый сценарий постановщикам, я бежал из Ирландии, вполне уверенный в том, что если мое сознание чем-то и обогатилось за прошедшие месяцы, то одной только решимостью держаться подальше от пронизывающего ветра, туманов и бедных улиц Дублина и Килкока.

Однако мое внутреннее око зорко следило за всем, что происходило вокруг. В то время как я клял свалившуюся на меня тяжелую работу и собственную неспособность вжиться во внутренний мир Германа Мелвилла так глубоко, как хотелось бы, мое внутреннее «я» отнюдь не дремало: оно усердно внюхивалось, вслушивалось, всматривалось в окружающее и складывало накопленный запас наблюдений об Ирландии и ирландцах в сокровенных уголках памяти затем, чтобы когда-нибудь в будущем я, к собственному своему удивлению, извлек их оттуда.

Прошло несколько лет.

И вот в один ненастный день из недр моей памяти возник Майк (настоящее его имя Ник) — мой старый ирландский знакомец, шофер такси. Он легонько подтолкнул меня локтем и робко напомнил о наших совместных поездках через болота, по долине реки Лиффи; о том, как доставлял меня вечерами домой в гостиницу «Царственный ирландец», он рассказывал мне разные истории, медленно ведя свою старую машину с железным кузовом сквозь густой туман. За время наших многочисленных поездок во тьме я узнал этого человека ближе, чем любого другого жителя этого зеленого острова.

«Ну-ка, расскажи обо мне, — попросил Майк. — Только рассказывай правду — опиши все точь-в-точь так, как это было в действительности».

И неожиданно для себя я написал рассказ и пьесу. И рассказ, и пьеса получились правдивыми. Вот так все это и произошло. Да иначе и не могло произойти.

НУ ЛАДНО, с рассказом дело понятное, но почему, скажите мне на милость, меня, прозаика с многолетним стажем, потянуло на драматургию?

На стезю драматургии меня подтолкнула целая толпа незнакомцев. Лет восемь—девять тому назад на мой адрес стали поступать послания, в которых говорилось примерно следующее:

«Уважаемый мистер Б.! Мы имеем удовольствие сообщить вам, что вчера вечером две тысячи преподавателей английского языка и английской литературы, собравшиеся на конференцию, тепло встретили чтение в лицах вашего романа «451 градус по Фаренгейту», в котором приняли участие семеро чтецов».

В последующие семь лет десятки моих рассказов читались, пересказывались, декламировались и инсценировались любителями-младшеклассниками, любителями-старшеклассниками, любителями-студентами по всей стране. Гора писем росла и росла. Наконец она обрушилась на меня. Обернувшись к жене, я заявил: «Все, кроме меня, находят удовольствие в том, что переделывают меня для сцены! Каково, а?»

Все получилось, как в старой сказке, но только совсем наоборот: вместо того чтобы кричать, что король — голый, все эти люди явно утверждали, что один бывший ученик лос-анжелосской средней школы, исключенный за неуспеваемость по английскому языку и английской литературе, одет с головы до ног и даже слишком укутан!

И тут свершилось — я начал писать пьесу.

И вот еще что побудило меня заняться драматургией. За последние пять лет я покупал и читал немало «пьес-идей», созданных как европейскими, так и американскими авторами. Я повидал и немало пьес театра абсурда и сверхабсурда. Я не мог не прийти к выводу, что в целом все эти пьесы представляли собой художественные ученические опыты, чаще всего некачественные: бытовые мысли. И прежде всего им не хватало двух важнейших качеств хорошей пьесы: воображения и художественного мастерства.

Будет только справедливо, учитывая выказанное мною категорическое мнение, если я и сам сейчас положу голову на плаху. Если хотите, можете быть моими палачами.

Впрочем, в этом нет ничего необыкновенного. История литературы знает немало писателей, которые, с основаниями или без оных, считали, что они могут упорядочить, усовершенствовать или рационализировать тот или иной жанр. Так что мною из нас свойственно, очертя голову, бросаться в рискованные предприятия.

Попытав свои силы единожды, я почувствовал, что материала у меня в избытке, и сел на новую пьесу. Стоило Майку выпрыгнуть из моей машины памяти, как за ним толпой, без всякого приглашения, последовали другие.

К собственному моему удивлению, я обнаружил, что знаю о жите-бытье ирландцев больше, чем могу изложить на бумаге за месяц или даже за год. Майк столкнул меня с мертвой точки. Родился шумный выводок рассказов и пьес. Мне оставалось только не мешать их рождению...

Надеюсь, что отныне я буду всегда жадно впитывать жизненные впечатления, по мере своих сил учиться у жизни. Но если мне это не удастся, то в будущем я постараюсь заглянуть в тайни-

ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ ПИСАТЕЛЯ

КОГДА РУБИКОН ПЕРЕЙДЕН

Рей БРЕДБЕРИ

Имя американского писателя Рей Бредбери, автора многих научно-фантастических повестей и рассказов, хорошо известно советским читателям. В последнее время Рей Бредбери пробует свои силы и на поприще драматургии. Его пьесы идут в театрах США. Ниже мы публикуем заметки Р. Бредбери, взятые нами из американского журнала «Райтер».

ки моего сознания и посмотреть, какой запас жизненных наблюдений накопился там, пока я, как мне казалось, был в стороне от жизни.

В действительности мы никогда не бываем в стороне от жизни. Мы подобны кубкам, которые жизнь постоянно и осторожно наполняет.

Все дело в том, чтобы уметь наклонить этот кубок и сделать его прекрасное содержимое общим достоянием...

СОСТАВИЛ ли я теперь, после того как Рубикон перейден и я работаю над новыми пьесами, посвященными научно-фантастической тематике, какую-нибудь теорию, которая постфактум объясняла бы специфику творчества драматурга?

Да.

Только после того, как дело сделано, можно анализировать, изучать, объяснять.

Пытаться подойти к делу с заранее заготовленным знанием — значит омертвить и погубить его.

Неспособность забыть о самом себе, постоянная мысленная сосредоточенность на своих собственных словах и поступках противопоказаны всякому искусству — идет ли речь об искусстве играть на сцене, создавать литературные произведения, писать картины, или об искусстве жить, этом величайшем из всех искусств...

Если бы я собирался давать советы молодым писателям, если бы собирался давать советы самому себе, будь я молодым писателем, увлекающимся театром абсурда, театром на грани абсурда, театром идей, да и вообще любым театром, мой совет был бы таков: Не пытайтесь позабыть меня беспредметными шутками. Меня только насмешит ваше нежелание дать мне возможность посмеяться.

Не создавайте у меня напряженности, которая должна закончиться слезами, чтобы затем отказать мне в возможности поплакать. Ведь в этом случае я подыщу где-нибудь более подходящую стену плача.

Не заставляйте меня сжимать кулаки, если вы хотите скрыть от меня мишень для удара. Ведь за неимением другого объекта я могу стукнуть вас.

И, главное, не пытайтесь вызвать у меня приступ морской болезни, если вы не намерены показать мне, как пройти к перилам на борту корабля.

Как мне кажется, многие авторы тошнотворных фильмов, тошнотворных романов, тошнотворных пьес забывают, что яд отравляет не только тело, но и сознание.

ВРЕМЯ, в которое мы живем, так и просится на сцену. Оно исполнено безумия, неистовства, блеска, изобретательности; оно и веселит, и угнетает. Оно говорит или слишком много, или слишком мало.

Создавая научно-фантастические пьесы, я заботился прежде всего о том, чтобы они были интересными и увлекательными, чтобы они будили мысль, действовали на чувства, ужасали и, как я надеюсь, доставляли удовольствие. По-моему, очень важно придумать хороший сюжет, придать законченный характер чувствам и страстям персонажей. Пусть идейное содержание обнаруживается потом, после того как занавес опустится и публика разоидется по домам. Пусть зрители, проснувшись ночью, восклицают: «Ах, вот что он имел в виду!» Пусть на следующий день их осенит: «Да ведь это он про нас написал! Речь-то идет о нашем времени, о нашем мире, о наших проблемах, о наших радостях и о наших горестях!»

Я не хочу быть похожим на сноба, читающего своим читателям зрительям нотации, на пылченного проповедника добрых дел на скучного поборника самосовершенствования.

Я хочу мчаться вперед, поспевая за нынешней величайшей эпохой во всей истории человечества; я хочу жадно впитывать наше время всеми моими чувствами, видеть его, осязать его, слышать его, чувствовать его запах и вкус. Я надеюсь, что и другие будут мчаться вперед вместе со мною.